

УДК 343.01

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(5).798-807

АНАЛИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНЦЕПЦИЙ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С.Ю. Кораблёва*Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета,
г. Москва, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

10 января 2020 г.

Дата принятия в печать

30 октября 2020 г.

Дата онлайн-размещения

20 ноября 2020 г.

Ключевые слова

Когнитивные искажения; эвристики;
рекомендации Верховного Суда РФ;
неравенство перед судом; групповые
стереотипы; необходимая оборона;
ретроспективные искажения

Аннотация. В настоящее время научные концепции когнитивных искажений — предсказуемых систематических ошибок мышления — активно развиваются и применяются в различных предметных областях. В ходе ряда экспериментов было продемонстрировано, что участники уголовного процесса также подвержены влиянию некоторых когнитивных искажений и эвристик. Иррациональные оценки судей, следователей, прокуроров и т.д. могут отрицательно сказываться на расследовании преступлений и вынесении приговора, поскольку данные процессы должны быть максимально рационализированы. В статье обобщаются имеющиеся знания о систематических ошибках мышления, рассматриваются некоторые виды когнитивных искажений, свойственных профессиональным участникам уголовного процесса, а также с использованием данных судебной статистики за 2018 г. изучаются неблагоприятные последствия этого воздействия. Автором доказывается, что одним из доступных способов преодоления негативного эффекта когнитивных искажений являются рекомендации Пленума Верховного Суда РФ. В то же время его постановления сами могут быть триггерами когнитивных искажений. В статье представлен анализ постановлений Пленума Верховного Суда, в рамках которого приводятся доводы о существовании противоречий между целью данных в них указаний и реальным их воздействием на профессиональных участников уголовного процесса из-за возникающих когнитивных искажений. В связи с этим ставится вопрос о необходимости изменения рекомендаций, данных в постановлениях Верховного Суда. В частности, автором сформулирована новая редакция постановления Пленума Верховного Суда «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. № 58 в части учета обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. Кроме того, в целях совершенствования правоприменительной практики по делам о необходимой обороне предлагается переосмысление всей концепции постановления Пленума Верховного Суда «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19, чтобы уменьшить влияние ретроспективного искажения на вынесение решений по делам, связанным с защитой от посягательств.

AN ANALYSIS OF THE DECREES OF PLENARY SESSIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM THE STANDPOINT OF COGNITIVE BIASES OF CRIMINAL PROCEEDINGS' PROFESSIONAL PARTICIPANTS

Svetlana Yu. Korableva*Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, Moscow, the Russian Federation*

Article info

Received

2020 January 10

Accepted

2020 October 30

Available online

2020 November 20

Abstract. The research concepts of cognitive biases — predictable systemic cognitive mistakes — are being actively developed and used in different areas. A series of experiments showed that criminal proceeding's participants also fall under the influence of cognitive biases and heuristics. Irrational assessments of judges, investigators, prosecutors, etc. could have a negative impact on crime investigation and sentencing because these processes should be rationalized as much as it is possible. The author summarizes the available information on systemic cognitive mistakes, analyzes some types of cognitive biases typical of professional participants of criminal proceedings and examines the unfavorable consequences of their impact using the data

Keywords

Cognitive biases; heuristics; recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation; judicial discrimination; group bias; self-defense; hindsight bias

of court statistics for 2018. It is proven that one of the available ways of overcoming the negative effects of cognitive biases is the recommendations of plenary sessions of the Supreme Court of the Russian Federation. At the same time, its Decrees could acts as triggers of cognitive biases. The article presents an analysis of the Decrees of plenary sessions of the Supreme Court that proves the existence of contradictions between the objectives of presented recommendations and their actual impact on the professional participants of criminal proceedings due to the emerging cognitive biases. In this connection, the author raises the question of the necessity of changing recommendations given in the Decrees of the Supreme Court. Specifically, the author presents a new edition of the Decree of the plenary session of the Supreme Court «On the Practice of Imposing Criminal Penalties by Courts of the Russian Federation» of Dec. 22, 2015 No 58 with changes in the part that regulates taking into account the circumstances characterizing the personality of the defendant. Besides, in order to improve the law enforcement practice on cases of self-defense, the author suggests reconsidering the whole concept in the Decree of the Plenary Session of the Supreme Court «On the Application of Self-Defense Legislation by Courts and on Infliction of Harm during the Apprehension of a Person who Committed a Crime» of September 27, 2012 to reduce the impact of retrospective bias while adjudicating on cases of defense against attacks.

Сложность задачи расследования преступления, установления виновности и индивидуализации наказания чрезвычайно высока. Ее решение требует максимальной рациональности и должно быть безошибочно в том смысле, что одинаковые исходные условия должны приводить к одному и тому же результату в виде признания виновности и назначения пропорционального наказания. С другой стороны, человек не компьютер, строго объективно обрабатывающий существующую информацию. Участникам уголовного процесса свойственны ошибки хотя бы потому, что любой человек связан возможностями своего разума и допускает искаженное или предвзятое восприятие объективной действительности.

Особенности человеческого поведения изучаются в рамках психологии, экономической теории и многих других наук. В частности, активно исследуется процесс принятия индивидом решений [1]. Уголовно-правовые науки руководствуются в основном рациональной (нормативной) моделью в отношении мышления профессиональных участников уголовного процесса. В ее рамках презюмируется, что в основном имеет место рациональный выбор, основанный лишь на совокупности доказательств и положениях Уголовного кодекса РФ, сделанный в условиях достаточного для этого времени и соответствующий целям привлечения лица к уголовной ответственности. Признается, что следователи, прокуроры, судьи и т.д. могут допускать ошибки, но они носят случайный, а не систематический характер.

Вопреки этой модели в работах нобелевского лауреата (2002) Даниэля Канемана и его

коллеги Амоса Тверски доказывается, что в ситуациях неопределенности принятые человеком решения отличаются от предсказываемых моделью рационального выбора [2; 3]. Люди принимают решения, основываясь на эвристиках и предубеждениях, которые сводят сложные задачи оценки вероятностей и прогнозирования к более простым операциям. В целом это очень полезно, но в результате иногда допускаются ошибки, приводящие к неверным решениям или иррациональным оценкам [4]. Проще говоря, в условиях неопределенности люди ошибаются, но такие ошибки связаны с конкретным механизмом работы нашего мышления, а потому закономерны и могут быть спрогнозированы. Влияющие на принятие решений систематические и предсказуемые ошибки в мышлении получили название когнитивных искажений (cognitive biases).

Общепризнанного перечня когнитивных искажений, а тем более эвристик и предубеждений на сегодняшний день не существует. Более того, когнитивные искажения не универсальны и зависят от области принятия решений. Пока что речь идет о казуальном описании отдельных феноменов ошибок мышления и причин их появления. Из-за отсутствия четкого определения того, что такое когнитивные искажения, а также огромного количества накопившегося за годы исследований материала попытки их сгруппировать или систематизировать до сих пор оказывались безуспешными. Однако это не исключает высокую ценность знаний о факторах принятия иррациональных решений. Они позволяют предсказать ситуации выбора, в которых люди с

высокой долей вероятности будут совершать ошибки либо их оценки будут приблизительными и неполными: «Существуют сферы деятельности, в которых эффективность и успешность субъекта зависит скорее не от его обучения и опыта, а от возможностей нашего разума, прежде всего — способности мыслить максимально рационально и полезно, избегать заложенных в нас эволюционных процессов иррациональности или контролировать их» [5, с. 5].

Продemonстрировать важность подобных знаний для уголовно-правовых наук можно на примере эффекта якорения (привязки). Во многих ситуациях люди делают оценки, основываясь на некотором начальном значении, или, как его называют, якорю. В условиях неопределенности человеку свойственно опираться даже на случайные и явно не относящиеся к делу выборы [6]. Уголовный процесс является условиями неопределенности, поскольку требуется оценить противоречивые доказательства и индивидуализировать наказание, поэтому при вынесении приговоров также имеет место привязка к случайным значениям. Это было наглядно показано в серии экспериментов. Профессиональным юристам (как судьям и прокурорам со стажем более десяти лет, так и только окончившим обучение) по реалистичным материалам дела предлагалось вынести приговор и назначить наказание обвиняемому. В ходе одного из экспериментов испытуемым после ознакомления ими с материалами дела звонил журналист и спрашивал, будет ли наказание больше или меньше некоторого числа. Если в телефонном разговоре журналист упоминал срок в один год, то в последующем участники эксперимента назначали наказание, в среднем равное 25,43 месяца. А если он спрашивал про срок в три года, то среднее наказание составляло уже 33,38 месяца¹. В ходе других экспериментов в качестве числового якоря использовалось предложение прокурора о сроке наказания. Участники предупреждались о случайности выбора этого числа либо даже они сами рассчитывали его на основании результата, сгенерированного игральными костями (которые были заранее запрограммированы на 3 или 9). Оказалось, что если случайное значение срока, предлагаемого прокурором, было равно 3 месяцам, то назначаемое наказание в среднем составляло 4,00

месяца у опытных юристов и 5,28 месяца у новичков. А если выпадало случайное значение, равное 9 месяцам, то опытные юристы назначали в среднем 6,05 месяца, а новички — 7,81 месяца². Авторами экспериментов был сделан обоснованный вывод о том, что судьи и прокуроры непреднамеренно «калибруют» итоговый срок наказания в зависимости от якорного значения, которым может быть даже цифра, выпавшая на игральные кости. Более того, опытные судьи и прокуроры подвержены эффекту привязки к нерелевантному результату так же сильно, как и только окончившие обучение юристы [7].

Ни один участник уголовного процесса не защищен от случайных воздействий, в том числе от влияния случайных чисел. Но осознание возможности эволюционно заложенных иррациональных мыслительных процессов может заставить быть более осторожными и побудить искать более объективную информацию. Например, люди часто допускают ошибку авторитета: от лиц, занимающих должности с официальными полномочиями, ожидают, что они будут принимать лучшие решения и допускать меньше просчетов. Это искажение имеет множество проявлений, одно из которых — доверие к мнению лица, наделенного статусом эксперта: информация от эксперта по умолчанию не подвергается критическому анализу [8].

Невнимание к возможности экспертных ошибок по субъективным причинам часто встречается в уголовном процессе и представляет собой достаточно серьезную проблему [9]. В качестве примера можно привести преступления, связанные с состоянием аффекта, решения суда по которым часто основываются на формальных результатах экспертизы, притом что одной из проблем «является недостаточное понимание самими экспертами-психологами сущности экспертных понятий» [10, с. 39]. Дела, где суды недостаточно критично отнеслись к квалификации эксперта либо не уделили внимания анализу использованных методик, в последнее время периодически получают широкую негативную огласку³ [11]. Ошибка чрезмерного доверия к

² Среднеквадратическое отклонение у опытных судей и прокуроров в первом случае — 3,02, во втором — 3,07; t -тест $t(37) = 2,10$, $p < 0,05$. Среднеквадратическое отклонение у новичков в первом случае — 3,21, во втором — 3,51; t -тест $t(50) = 2,71$, $p < 0,01$.

³ Рецензия на заключения комиссии экспертов, изготовленные сотрудниками ФГБНИУ «Российский институт культурологии» В.И. Батовым и Н.Н. Крюковой по уголовному делу № 804952 // РОО «Гильдия линг-

¹ Среднеквадратическое отклонение в первом случае — 10,49, во втором — 9,65; t -тест $t(40) = 2,56$, $p < 0,02$.

мнению лица, наделенного статусом эксперта, может стоять авторитета самим судьям. В этом отношении крайне удачными представляются указания, данные в пп. 4, 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28, в соответствии с которым «вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место — убийство или самоубийство) как не входящих в его компетенцию, не допускается... При оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. Одновременно следует учитывать квалификацию эксперта, выяснять, были ли ему представлены достаточные материалы и надлежащие объекты исследования».

Правоприменительные органы не всегда следуют рекомендациям Пленума Верховного Суда. Но их наличие вместе с возможностью обжалования судебных решений позволяет уменьшить отрицательное воздействие возможных когнитивных искажений. Крайне негативной следует признать ситуацию, когда предлагаемые участникам уголовного процесса правила, наоборот, способствуют возникновению когнитивных искажений и увеличивают иррациональность принятых решений. Так, в ч. 1 ст. 6 Уголовного кодекса РФ указывается, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать в том числе личности виновного. В соответствии с этим в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. № 58 разъясняется, что «к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания... могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении со-

вистов-экспертов по документационным и информационным спорам»: офиц. сайт. URL: <http://rusexpert.ru/assets/files/expertizy/21.pdf>.

вершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников».

Проблема заключается в том, что, как показывают многие исследования, правоприменители в любом случае учитывают личность виновного при постановлении приговора. Эта оценка не всегда однозначна, но в любом случае серьезно подвержена когнитивному искажению под влиянием групповых стереотипов [12]. Идентичные действия могут восприниматься по-разному, если они совершены членами разных социальных групп. Предвзятое отношение часто формируется автоматически, без какого-либо намерения или осознания со стороны оценивающего. Более того, человек при этом обычно уверен, что свободен от предрассудков и основывается лишь на личных качествах другого человека [13, р. 392–393]. Проследить влияние, например, гендерных стереотипов на постановление приговора можно с использованием данных судебной статистики (табл. 1).

Статистические расхождения в отношении частоты назначения обязательных работ в зависимости от пола виновного можно объяснить объективными причинами, связанными с положениями Уголовного кодекса РФ в отношении данного вида наказания. Но двукратная разница в частоте применения штрафа или лишения свободы позволяет предположить, что женщины не только реже совершают преступления, но и деяния у них менее тяжкие. Это не так: женщины составляют около 14 % всех осужденных, и их доля практически не меняется в зависимости от категории преступления (табл. 2).

Исследование на базе данных о подсудимых и уголовных делах, рассмотренных российскими судьями общей юрисдикции в первой инстанции в 2009 г. — первой половине 2010 г., учитывающее как тип преступления, так и ряд иных социальных характеристик, показало, что «для женщин по сравнению с мужчинами вероятность быть приговоренной к реальному лишению свободы на 7,4 % меньше по насильственным, на 4,7 % — по имущественным, на 5,4 % — по экономическим и незначима — по наркотическим преступлениям» [14, с. 119].

Решения судей и присяжных искажаются под влиянием не только гендерных, но и большого числа иных стереотипов восприятия: наличия постоянной работы и источников доходов

Таблица 1 / Table 1

Данные судебной статистики за 2018 г. о видах наказаний, назначенных виновным лицам*
Data of court statistics for 2018 on types of punishments imposed on perpetrators

Вид наказания / Type of punishment	Мужчины, чел. (%) / Men, persons (%)	Женщины, чел. (%) / Women, persons (%)
<i>Всего / Total</i>	567 340 (100)	90 951 (100)
Штраф / Fine	64 956 (11)	20 397 (22)
Обязательные работы / Community service	103 800 (18)	11 002 (12)
Условное осуждение к лишению свободы / Suspended imprisonment	145 547 (26)	23 937 (26)
Реальное лишение свободы / Actual imprisonment	173 413 (30)	16 912 (19)

* Составлена по данным судебной статистики, представленным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ (см.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>). Аналогичные в процентном соотношении данные имеют место за 2017 и 2016 гг.

Таблица 2 / Table 2

Данные судебной статистики за 2018 г. о распределении совершенных преступлений по категориям
Data of court statistics for 2018 on the categories of committed crimes

Преступления / Crimes	Мужчины, чел. (%) / Men, persons (%)	Женщины, чел. (%) / Women, persons (%)
<i>Всего / Total</i>	567 340 (100)	90 951 (100)
Небольшой тяжести / Small gravity	284 287 (50)	50 425 (55)
Средней тяжести / Medium gravity	134 937 (25)	18 378 (20)
Тяжкие / Grave	117 774 (20)	17 842 (20)
Особо тяжкие / Very grave	30 342 (5)	4 306 (5)

у обвиняемого, проживания в регионе совершения преступления, гражданства, статуса (студент, предприниматель, работник правоохранительных органов и т.д.) [15; 16]. Воздействует на судей даже физическая привлекательность обвиняемого: красивый имеет больше шансов быть оправданным, если существуют сомнения в его виновности, а также при прочих равных условиях получает меньшее наказание [17].

Насколько оправданно использование дискриминационных практик в уголовном судопроизводстве, вопрос крайне спорный. И российские, и зарубежные криминологи связывают, например, более мягкое отношение к женщинам с тем, что статус матери и включенность в семью обеспечивают достаточный неформальный контроль. Однако данные судебной статистики однозначно этот тезис не подтверждают: в 2018 г. повторно совершившими преступление были 24 % осужденных женщин против 30 % мужчин.

Любопытно, что при осуждении за преступления небольшой тяжести штраф назначается в 20 % случаев, а лишение свободы — в 13 %

(распределение примерно как у женщин). При осуждении за преступления средней тяжести вероятность назначения штрафа снижается до 8 %, а вероятность лишения свободы повышается до 37 % (распределение примерно как у мужчин). Следовательно, пол влияет на вид наказания (штраф или реальное лишение свободы) практически в той же степени, что и тяжесть преступления. Это представляется неоправданным, поскольку расхождения в тяжести преступлений и вероятности рецидива у мужчин и женщин не столь значительны.

Исследования показывают, что в отношении иных социальных ярлыков имеют место аналогичные проблемы: «Принимая решения, судьи руководствуются прежде всего законом. Но анализ также выявил устойчивые закономерности принятия решений по уголовным делам в отношении подсудимых с различным социальным статусом, вызванные этими различиями» [16, с. 80]. Проще говоря, даже без рекомендации Верховного Суда данные о личности виновного влияют на процесс назначения наказания, но в силу особенностей челове-

ского мышления это влияние способствует не столько индивидуализации наказания, сколько дискриминации обвиняемого. Социальные ярлыки оказываются доминирующими над действительно важной информацией о характере и обстоятельствах совершения преступления: «Изучение материалов уголовных дел показало, что в процессе предварительного следствия и в судебном заседании всегда выяснялись установочные сведения о личности, такие, например, как: пол, возраст, социальное положение, место работы и должность, образование, семейное положение, наличие судимости. Что же касается сведений, характеризующих мотивы и цели преступления, морально-нравственный облик, отношение к общественно полезному труду, общественной деятельности, то они устанавливались значительно реже. Например, почти не встречались приговоры, в которых отмечались особенности преступной мотивации, хотя мотивы корыстных преступлений имеют существенные внутривидовые различия, которые должны были и могли сыграть важную роль при назначении наказания» [18, с. 12].

Итак, вопреки рациональной модели судья не соотносит личные характеристики обвиняемого с деянием и обстоятельствами его совершения, а, наоборот, под влиянием когнитивных искажений увеличивает суровость наказания в зависимости от групповых стереотипов типа пола, наличия работы, гражданства и т.д. Причем в силу искажения, связанного с лишней информацией, стереотипы влияют на наказание больше, чем, например, мотив совершения преступления, что ведет не к индивидуализации наказания, а к дискриминации виновного. В связи с этим представляется разумным все указания на необходимость учета личности виновного при постановлении приговора привязать к обстоятельствам совершения преступления и признакам его состава. Для этого следует изменить п. 1 постановления Пленума Верховного Суда «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. № 58 следующим образом: «К сведениям, характеризующим личность подсудимого, могут относиться, в частности, мотивы и цели совершения преступления, влияние длительной психотравмирующей ситуации, тщательное приготовление к преступлению, неоправданная агрессия, проявление особой жестокости или циничности во время совершения преступления, последующее поведение лица (попытка

сокрыть преступление либо, наоборот, раскаяние и явка с повинной, компенсация вреда потерпевшим) и т.д.». На решения судов в любом случае влияют стереотипы типа имущественного положения и пола подсудимого, поэтому разумным представляется отвлекать от них внимание, а не акцентировать.

Еще одна рекомендация Пленума Верховного Суда РФ, которая способствует когнитивным искажениям, связана с ключевым правом каждого человека на самозащиту. В 2018 г. деяния только шести лиц были признаны судами правомерной необходимой обороной. Еще 221 чел. был осужден за убийство при превышении необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), а 499 — за причинение тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК РФ). Неудивительно поэтому, что в отношении необходимой обороны систематически появляются законодательные инициативы, в рамках которых обычно предлагается значительное расширение этого права. В ответ эксперты указывают, что серьезных ограничений для права на необходимую оборону в законодательстве нет, а все сложности преодолимы посредством совершенствования правоприменительной практики. К этому следует добавить, что совершенствование должно коснуться в первую очередь постановления Пленума Верховного Суда «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19. Это постановление построено по принципу сравнения причиненного вреда с предотвращенным, а также казуального перечисления ситуаций, когда это может считаться оправданным. Например, в п. 13 указанного постановления для решения вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны судам предлагается учитывать объект посягательства, а также сравнивать избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, и наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или нанесения тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства. Такая конструкция является причиной когнитивного искажения, известного как предвзятость знания результата.

Эксперименты наглядно показывают, что люди часто воспринимают прошлые события

как более предсказуемые (принцип «Я точно знал, что так и будет!») [19]. Это называется ретроспективными искажениями или ошибкой, связанной со знанием «задним числом». Они хорошо исследованы, в частности, применительно к медицинским ошибкам: чем серьезнее негативные последствия избранного способа лечения, тем увереннее будут присяжные в том, что врач мог их предотвратить, даже если он строго следовал протоколу [20]. Аналогичное искажение имеет место при рассмотрении преступлений, совершенных по неосторожности: судьи с исходным знанием о причиненном вреде воспринимают его как более предсказуемый, что, в свою очередь, приводит к более вероятному осуждению лица, допустившего даже абсолютно соответствующий ситуации риск; если же судья не знает о размере вреда и оценивает лишь уровень допущенного риска, то его решение будет оправдывающим [21]. Можно предположить, что в делах о необходимой обороне искажения действуют сходным образом, но приводят к гораздо более трагичным последствиям, так как речь идет о таком базовом праве человека, как право на защиту.

Российские стандарты исследования дел о необходимой обороне имеют четко выраженный уклон в пользу причиненного вреда [22]. На наш взгляд, это во многом связано с тем, что если причиненный нападавшему вред оказывается значительным, то, как указывалось выше, в силу ретроспективного искажения у правоприменителя автоматически запускается когнитивный механизм критичного отношения к поведению обороняющегося («Я так и знал, что это произойдет; ты тоже должен был знать и не допускать такого значительного вреда!»). Исследования показывают, что такое ретроспективное искажение является одним из самых труднопреодолимых. Несколько ослабить их, хотя далеко не всегда, могут размышления о возможных альтернативных результатах [23]. Например, для этого можно использовать моделирование нескольких ситуаций отказа обороняющегося от защиты. Этот метод иногда применяется Верховным Судом РФ при рассмотрении конкретных дел: «Вывод суда о том, что таким образом нападавшие перестали представлять угрозу его жизни, противоречит установленному судом способу и интенсивности посягательства (групповое нападение, нанесение ударов в область жизненно важных органов — головы), а также иным обстоятельствам, характеризующим обстановку

нападения — ночное время, инициирование конфликта К. и С., которые препятствовали намерению Ш. покинуть квартиру»⁴.

Эффективным представляется более кардинальное решение. Существует еще один эффект, сходный с ретроспективным. В силу искажения, связанного со знанием результата, даже значительный риск признается людьми оправданным, если итог был положительным. Например, если хирург отклонился от протокола, но спас пациента, люди будут позитивно оценивать его даже крайне рискованное поведение [24]. В связи с этим, думается, эффективным способом преодоления предвзятого отношения к обороняющемуся будет акцентирование внимания правоприменительных органов на широко известном факте о пользе самообороны в том смысле, что это способствует предотвращению преступления. Действия обороняющегося следует считать риском, а критерии, относящиеся к посягательству и к защите, — казуальной оценкой его допустимости с презумпцией оправданности. Для этого требуется, во-первых, удалить из постановления Пленума Верховного Суда «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19 все указания на вред, причиненный обороняющемуся, заменив его сочетанием «риск причинения вреда при предотвращении преступления». Также следует акцентировать внимание на социальной желательности и положительных результатах необходимой обороны — она способствует предотвращению уже начавшегося преступления. Например, вместо словосочетания «под посягательством, защита от которого допустима...» лучше использовать фразу «лицо имеет право предотвращать следующие преступления, а также иные посягательства...». При описании критериев правомерности необходимой обороны желательно отказаться от ретроспективных клише типа «действия не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны» или «лицо не может признаваться находящимся в состоянии необходимой обороны», заменив их указанием на чрезмерность риска: «Риск причинения вреда при предотвращении преступления может считаться чрезмерным, только если...».

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 5 августа 2015 г. № 51-УД15-4 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Уголовно-правовые науки руководствуются в основном рациональной моделью в отношении мышления профессиональных участников уголовного процесса, что для многих ситуаций некорректно и не соответствует реальному поведению людей. В действительности расследование преступлений, установление виновности и индивидуализация наказания происходят под воздействием субъективных факторов, включая предсказуемые ошибки мышления, свойственные любому человеку в условиях неопределенности, — когнитивные искажения. Благодаря их изучению становится возможным предсказать ситуации, в которых правоприменители с высокой долей вероятности будут совершать ошибки либо их оценки будут иррациональными.

Влияние некоторых когнитивных искажений практически невозможно устранить, например если речь идет об эффекте якорения (привязки). Даже опытные судьи непреднамеренно привязывают итоговый срок наказания к так называемому якорному значению, которым может быть абсолютно нерелевантное число, включая выпавшее на игральном костяке. Именно поэтому срок, предложенный прокурором, обычно становится той центральной цифрой, относительно которой даже полностью независимые суды «калибруют» свои приговоры. Другие когнитивные искажения могут быть уменьшены, если напомнить участникам уголовного судопроизводства об их возможности, как это сделано, например, в пп. 4 и 19 постановления Пленума Верховного Суда «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря

2010 г. № 28. Его рекомендации препятствуют возникновению ошибки авторитета, из-за которой суды и следователи могут игнорировать высокую вероятность экспертных ошибок по субъективным причинам, а также недостаточно критично оценивать их заключения.

Крайне негативной следует признать ситуацию, когда предлагаемые участникам уголовного процесса правила, наоборот, способствуют возникновению когнитивных искажений и увеличивают иррациональность принятых решений. В частности, речь идет о развернутых рекомендациях Пленума Верховного Суда учитывать при постановлении приговора личность виновного, что способствует возникновению ошибки групповых стереотипов. На решения судов в любом случае влияют стереотипы типа имущественного положения и пола подсудимого, поэтому указания Верховного Суда, на наш взгляд, должны отвлекать от них внимание, акцентируя его на обстоятельствах совершения преступления. То же самое касается и права на необходимую оборону. При оценке правомерности защиты рекомендуется сравнивать причиненный и предотвращенный вред, что вызывает ретроспективные искажения. Поэтому совершенствование правоприменительной практики связывается нами с изменением всей концепции постановления Пленума Верховного Суда «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19: причинение вреда посягающему должно считаться исключительно предотвращением преступления, а действия обороняющегося — риском, предпринятым для его предотвращения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашапова Э.Р. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида / Э.Р. Кашапова, М.В. Рыжкова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2015. — № 2 (30). — С. 15–26.
2. Tversky A. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice / A. Tversky, D. Kahneman // Science. — 1981. — Vol. 211, iss. 4481. — P. 453–458.
3. Tversky A. Rational Choice and the Framing of Decisions / A. Tversky, D. Kahneman // Journal of Business. — 1986. — Vol. 59, № 4 (2). — P. 251–278.
4. Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / A. Tversky, D. Kahneman // Science. — 1974. — Vol. 185, iss. 4157. — P. 1124–1131.
5. Попов А.Ю. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология / А.Ю. Попов, А.А. Вихман // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Психология. — 2014. — Т. 7, № 1. — С. 5–16.
6. Mussweiler T. Comparing is Believing: A Selective Accessibility Model of Judgmental Anchoring / T. Mussweiler, F. Strack // European Review of Social Psychology. — 1999. — Vol. 10, № 1. — P. 135–167.
7. Englich B. Playing Dice with Criminal Sentences: The Influence of Irrelevant Anchors on Experts' Judicial Decision Making / B. Englich, T. Mussweiler, F. Strack // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2006. — Vol. 32, № 2. — P. 188–200.
8. Mizrahi M. Arguments from Expert Opinion and Persistent Bias / M. Mizrahi // Argumentation. — 2018. — Vol. 32, iss. 2. — P. 175–195.

9. Перепечина И.О. Экспертные ошибки в контексте профессиональной деятельности экспертов / И.О. Перепечина // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 3. — С. 34–36.
10. Исаева И.В. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы / И.В. Исаева, Ф.С. Сафуанов // Российский судья. — 2015. — № 12. — С. 37–40.
11. Мурсалиева Г. Эксперты специального назначения / Г. Мурсалиева // Новая газета. — 2017. — № 102. — URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/15/73854-eksperty-spetsialnogo-naznacheniya>.
12. Kurlychek M.C. Cumulative Disadvantage in the American Criminal Justice System / M.C. Kurlychek, B.D. Johnson // *Annual Review of Criminology*. — 2019. — Vol. 2, № 1. — P. 291–319.
13. Kunda Z. *Social Cognition: Making Sense of People* / Z. Kunda. — Cambridge, MA : The MIT Press, 1999. — 616 p.
14. Четверикова И.В. Роль семьи, профессиональной карьеры и пола подсудимых при вынесении приговоров российскими судьями / И.В. Четверикова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — Т. 17, № 4. — С. 101–123.
15. Steffensmeier D. Interaction of Race, Gender, and Age in Criminal Sentencing: The Punishment Cost of Being Young, Black, and Male / D. Steffensmeier, J. Ulmer, J. Kramer // *Criminology*. — 1998. — Vol. 36, № 4. — P. 763–798.
16. Волков В.В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда / В.В. Волков // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — Т. 17, № 4. — С. 62–85.
17. MacCoun R. The Emergence of Extralegal Bias during Jury Deliberation / R. MacCoun // *Criminal Justice and Behavior*. — 1990. — Vol. 17, № 3. — P. 303–314.
18. Бурлаков В.Н. Индивидуализация уголовного наказания: закон, теория, судебная практика : учеб.-практ. пособие / В.Н. Бурлаков. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2011. — 128 с.
19. Fischhoff B. Hindsight ≠ Foresight: The Effect of Outcome Knowledge on Judgment under Uncertainty / B. Fischhoff // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. — 1975. — № 1. — P. 288–299.
20. Harley E.M. Hindsight Bias in Legal Decision Making / E.M. Harley // *Social Cognition*. — 2007. — Vol. 25, № 1. — P. 48–63.
21. Oeberst A. When Being Wise After the Event Results in Injustice: Evidence for Hindsight Bias in Judges' Negligence Assessments / A. Oeberst, I. Goeckenjan // *Psychology, Public Policy, and Law*. — 2016. — Vol. 22, № 3. — P. 271–279.
22. Перцев Д.В. Необходимая оборона: вопросы теории и судебной практики / Д.В. Перцев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 4. — С. 36–41.
23. Sanna L.J. When Debiasing Backfires: Accessible Content and Accessibility Experiences in Debiasing Hindsight / L.J. Sanna, N. Schwarz, S.L. Stocker // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. — 2002. — Vol. 28, № 3. — P. 497–502.
24. Baron J. Outcome Bias in Decision Evaluation / J. Baron, J.C. Hershey // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1988. — Vol. 5, № 4. — P. 569–579.

REFERENCES

1. Kashapova E.R., Ryzhkova M.V. Cognitive Biases and their Impact on the Behavior of an Individual. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Tomsk State University Journal of Economics*, 2015, no. 2 (30), pp. 15–26. (In Russian).
2. Tversky A., Kahneman D. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice. *Science*, 1981, vol. 211, iss. 4481, pp. 453–458.
3. Tversky A., Kahneman D. Rational Choice and the Framing of Decisions. *Journal of Business*, 1986, vol. 59, no. 4 (2), pp. 251–278.
4. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*, 1974, vol. 185, iss. 4157, pp. 1124–1131.
5. Popov A.Yu., Vikhman A.A. Cognitive Biases in Decision-Making as a Scientific Problem and Applied Technique. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of South Ural State University. Series: Psychology*, 2014, vol. 7, no. 1, pp. 5–16. (In Russian).
6. Mussweiler T., Strack F. Comparing is Believing: A Selective Accessibility Model of Judgmental Anchoring. *European Review of Social Psychology*, 1999, vol. 10, no. 1, pp. 135–167.
7. English B., Mussweiler T., Strack F. Playing Dice with Criminal Sentences: The Influence of Irrelevant Anchors on Experts' Judicial Decision Making. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006, vol. 32, no. 2, pp. 188–200.
8. Mizrahi M. Arguments from Expert Opinion and Persistent Bias. *Argumentation*, 2018, vol. 32, iss. 2, pp. 175–195.
9. Perepechina I.O. Expert Errors in the Context of Professional Activities of the Forensic Scientists. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3, pp. 34–36. (In Russian).
10. Safuanov F.S., Isaeva I.V. Analysis of Judgements of Supreme Courts on Passion Crimes and Issues of Forensic Examination. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2015, no. 12, pp. 37–40. (In Russian).
11. Mursalieva G. Experts for special purposes. *Novaya Gazeta*, 2017, no. 102. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/15/73854-eksperty-spetsialnogo-naznacheniya>. (In Russian).
12. Kurlychek M.C., Johnson B.D. Cumulative Disadvantage in the American Criminal Justice System. *Annual Review of Criminology*, 2019, vol. 2, no. 1, pp. 291–319.
13. Kunda Z. *Social Cognition: Making Sense of People*. Cambridge, MA, the MIT Press, 1999. 616 p.
14. Chetverikova I.V. The Impact of Family, Professional Status and Gender of Defendants on Sentencing Decisions by Russian Judges. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 101–123. (In Russian).
15. Steffensmeier D., Ulmer J., Kramer J. Interaction of Race, Gender, and Age in Criminal Sentencing: The Punishment Cost of Being Young, Black, and Male. *Criminology*, 1998, vol. 36, no. 4, pp. 763–798.
16. Volkov V.V. The Influence of Socio-Economic Status of Defendants on Court Decisions. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 62–85. (In Russian).

17. MacCoun R. The Emergence of Extralegal Bias during Jury Deliberation. *Criminal Justice and Behavior*, 1990, vol. 17, no. 3, pp. 303–314.
18. Burlakov V.N. *Individualizatsiya ugovnogo nakazaniya: zakon, teoriya, sudebnaya praktika* [Individualization of criminal punishment: law, theory, court practice]. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2011. 128 p.
19. Fischhoff B. Hindsight ≠ Foresight: The Effect of Outcome Knowledge on Judgment under Uncertainty. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1975, no. 1, pp. 288–299.
20. Harley E.M. Hindsight Bias in Legal Decision Making. *Social Cognition*, 2007, vol. 25, no. 1, pp. 48–63.
21. Oeberst A., Goeckenjan I. When Being Wise after the Event Results in Injustice: Evidence for Hindsight Bias in Judges' Negligence Assessments. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2016, vol. 22, no. 3, pp. 271–279.
22. Pertsev D.V. Justifiable Defence: Theory and Judicial Practice. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: The Humanities and Social Science*, 2016, no. 4, pp. 36–41. (In Russian).
23. Sanna L.J., Schwarz N., Stocker S.L. When Debiasing Backfires: Accessible Content and Accessibility Experiences in Debiasing Hindsight. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2002, vol. 28, no. 2, pp. 497–502.
24. Baron J., Hershey J.C. Outcome Bias in Decision Evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988, vol. 5, no. 4, pp. 569–579.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораблёва Светлана Юрьевна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: sukorableva@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korableva, Svetlana Yu. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sukorableva@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кораблёва С.Ю. Анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ с точки зрения концепций когнитивных искажений профессиональных участников уголовного процесса / С.Ю. Кораблёва. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).798-807 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 5. — С. 798–807.

FOR CITATION

Korableva S.Yu. An analysis of the Decrees of plenary sessions of the Supreme Court of the Russian Federation from the standpoint of cognitive biases of criminal proceedings' professional participants. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 798–807. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).798-807.